

Валентин Непомнящий.
Фото А.Смирнова.

Феномен Пушкина

Интервью с Валентином Непомнящим

Но, заметьте, никто не говорит: «мой Толстой» или «мой Достоевский».

Приходится сделать вывод, что если явление необычное, то необычна культура, породившая его, и те исторические обстоятельства, которые этому способствовали.

История любой культуры — как и история вообще — изобилует переломами, потрясениями и революциями. Но серьезные изменения происходят все же эволюционным путем и внутренним образом. Постепенно шла эллинизация культуры Рима, затем христианизация культуры Римской империи, так же происходило образование романских и германских культур. И только однажды в истории европейских культур произошло нечто из ряда вон выходящее: когда культура России, ставшая к тому времени оплотом православия, претерпела исторически мгновенный надлом своего направляющего стержня, в течение нескольких лет изменивший ее ориентацию и облик. Это случилось в результате реформы Петра Великого. Он решил «переломить все через коленку» и ввести Россию в «европейский дом». То была попытка изменить сам менталитет, то есть изменить нацию. Это было подобно тому, что происходит и сегодня, но с гораздо большим напряжением. Ведь в петровские времена не было ни радио, ни телевидения, ни Международного валютного фонда. Прошло почти сто лет, и в 1799 году родился Пушкин, который, по меткому выражению Герцена, стал как бы ответом России на попытку изменить ее душу.

Пушкин оказался той фигурой, которой удалось создать вокруг себя духовное поле, откуда потом возникла великая литература, названная Томасом Манном «святой литературой». И она, эта литература, включая Александра Блока, Твардовского, писателей-деревенщиков, даже тех, которые, быть может, об этом и не думали, — эта литература «тащила» именно ту высокую духовную традицию, которая была заложена еще в допетровские времена. Если бы не Пушкин, то вся традиция бы растворилась.

— Явление Пушкина действительно столь многомерно, что долгие годы существовала и существует до сих пор специальная наука — пушкиноведение. Как оно развивалось, как менялось с годами представление о поэте и его творчестве?

— Когда пушкиноведение только зарождалось, оно занималось в основном чисто фактологическими изысканиями. Потом, где-то уже с середины 60-х годов прошлого века, начался процесс осмысления Пушкина как явления в литературе. Уже были западники и славяно-

филы, со своим собственным, порой противоположным отношением к Пушкину. Были сторонники «чистого искусства», утверждавшие, что поэт является сторонником именно их идей.

С другой стороны, Чернышевский говорил: да, конечно, Пушкин — это прекрасно, но это в основном форма, а нам нужен Некрасов. Ленин и был воспитан на таком отношении к поэту.

Где-то на рубеже веков русские религиозные философы, такие, как С.Булгаков и М.Гершензон, начинали по-иному, более глубоко осмыслять пушкинское наследие. После 20-х годов нашего века пушкиноведение рассматривало Пушкина с точки зрения борьбы классов. Но никак не могли определиться, что же делать с Пушкиным. И наконец, в 30-х годах, когда упразднили все группировки, течения и создали единый Союз писателей, единый метод, всех вдруг осенило, что Пушкин был другом декабристов. Это и стало точкой отсчета. Это стало самым главным — Александр Сергеевич вдруг стал «своим».

На самом деле существуют два варианта ответа Пушкина царю по поводу его отношения к декабристам. Император Николай спросил поэта, которого специально привезли из Михайловского в Кремль: «Что бы ты делал, если бы 14 декабря был в Петербурге?» Считалось, что Пушкин ответил: «Встал бы в ряды мятежников». Эти слова дошли до нас благодаря Модесту Корфу, однокашнику поэта, который терпеть его не мог еще с лицейских времен. И эта версия, изложенная недругом Пушкина, была торжественно принята всем советским пушкиноведением.

Потом был юбилей Пушкина в 1937 году, так замечательно совпавший с нашей трагической историей. Эта дата отмечалась очень широко, как грандиозный всенародный праздник. Он сыграл гигантскую роль в том, что Пушкин вошел в сознание очень широких масс, но при этом в его облик все было как-то сдвинуто. В те годы вышла книга Ермилова «Наш Пушкин». «Наш» — значит советский. Сразу после Пушкина шел Маяковский. Я помню, когда я еще учился в школе, была тема для сочинений: «Пушкин и Маяковский о поэте и поэзии». Они так «парочкой» и ходили. И все потому, что он был «революционер» и друг декабристов.

Другая же версия ответа известна нам со слов Анны Григорьевны Хомутовой, которая слышала его от самого поэта: «Государь, все мои друзья были в заговоре, и я не мог не быть вместе с ними. Благодарение Богу, что меня в тот день в Петербурге не было». Это поразительно рыцарский ответ. Ясно, что он

был бы с ними только потому, что они его друзья, а не потому, что он с ними согласен. Он с ними уже не был согласен давно. К тому времени был написан «Борис Годунов». С тех пор, как Пушкин написал эту трагедию, он стал монархистом и понял, что такое Россия и что такое для России царь.

Но этот ответ был забыт. А «пошел в народ» другой: «Встал бы в ряды мятежников». И дальше пушкиноведение развивалось под этим знаком. Правда, оно сделало успехи, потому что все-таки была настоящая научная школа, и не случайно пушкиноведение всегда являлось лидером советской науки о литературе. Там трудились замечательные ученые, филологи, люди, которые ценили и понимали слово. Они готовили выпуск академического собрания сочинений поэта. Оно задумывалось как издание, где должны были быть ответы на все вопросы, касающиеся истории и реалий текста. Пробный том вышел в 1935 г. Это был седьмой том «Драматургия», в котором комментариев было больше, чем самого текста. Но Сталин не разрешил издавать собрание сочинений с комментариями, и оно вышло без них, хотя все же были опубликованы черновики.

И тут случилась потрясающая история: среди эмигрантов, которые в 1921 году были высланы из России на «философском пароходе», и тех, кто эмигрировал позднее, было много людей, внесших впоследствии большой вклад в пушкиноведение. Произошло своеобразное разделение труда. Среди эмигрантов были, конечно, филологи, а также философы, богословы и поэты. Люди, воспитанные в дореволюционной России, в основном верующие. У них, естественно, не было под рукой всего того богатства, поскольку все документы и рукописи Пушкина остались в Питере. Они прекрасно осознали, что потеряли Россию, но у них остался Пушкин. С моим коллегой М.Д.Филиным мы составили книгу «Дар», которая должна выйти в этом или следующем году. Ее подзаголовок: «Русские священники о Пушкине». Там несколько разделов. Есть раздел, в который включены письма отца Павла Флоренского из лагеря и священника Анатолия Жураковского. В гигантском разделе «Эмиграция» будут опубликованы работы Антония Храповицкого, потрясавшего мыслителя, архимандрита Константина Зайцева, Александра Семенова-Тянь-Шанского, архимандрита, а потом епископа, статьи Вячеслава Иванова.

Их работы были, быть может, не очень сильны в чисто филологическом, научном смысле, но они чувствовали сердцем и как бы «печенками», что такое Пушкин. Создается такое впечатление, что история как бы провела эксперимент: как русские люди, оказавшиеся в эмиграции, будут существовать без России, но с Пушкиным. И вот что интересно: если наши пушкинисты занимались больше «материальной» частью, то в эмиграции работа шла как бы в «духовной плоскости». Теперь мы имеем возможность совместить два подхода в пушкиноведении: советского периода и работы исследователей русского зарубежья.

— У нас сейчас очень много говорят о поисках национальной идеи. И возникает ощущение, что власть пытается использовать Пушкина, «приватизировать» его (об этом говорит, в частности, то, что день рождения поэта президент страны объявил национальным праздником); и многое другое.

— Я думаю, власть чувствует, что Пушкин воплощает в себе, что он аккумулирует народный дух, национальную духовность, национальную ментальность. Но не дай Бог, если он официально станет национальной идеей, ничего хорошего из этого не получится. Впрочем, подобная попытка вполне понятна: это желание опереться на что-то незыблемое. По-моему, признание 6 июня национальным праздником — смешно. Имитация бурной деятельности вместо того, чтобы выделить деньги на пушкинский юбилей. Настоящий праздник должен быть стихийным, а не навязанным сверху.

А полуторжественная, продолжающаяся

и сегодня борьба за, против и вокруг Пушкина — это, в сущности, история попыток каждой из сторон «перевести» его на близкий себе язык. Почему поэзию Пушкина невозможно перевести на другие языки? Потому что перевод напоминает работу портного, перешивающего платье: все распарывается по швам, детали кроя подгоняются по другой фигуре и сшиваются заново. А Пушкин не поддается такой операции, он сделан как-то особенно, без швов.

Помните стихи Мандельштама: «Когда, уничтожив набросок, ты держишь прилежно в уме период без тягостных сносок, единый во внутренней тьме, и он лишь на собственной тяге, зажмурившись, держится сам, он также отнесся к бумаге, как купол к пустым небесам».

Но когда мы говорим об особенном положении Пушкина в литературе, это не значит, что Пушкин талантливее Шекспира или даже Достоевского. Не в этом дело, не в масштабе таланта. За что же ухватиться, чтобы понять, что такое феномен Пушкина?

Феномен Пушкина существует не только в сознании интеллигенции и образованного общества, он тесно связан с судьбой нации и определил направление русской культуры. Чудо состоит в том, что русская культура, русская литература в XX веке не выродилась окончательно и во многом подтвердила свой всемирный нравственный авторитет, оставаясь в лучших своих проявлениях человечнейшей культурой мира, продолжая в меру сил наследовать ту совестную, духовную традицию, преемником которой два века назад стал Пушкин.

Много лет назад один французский славист сказал: «У нас поэт — мастер, а у вас поэт — пророк». И это действительно так: написав трагедию «Борис Годунов», Пушкин оказался пророком. Мне всегда было интересно понять, почему он взялся за историю Бориса Годунова. Вероятно, ему важно было показать, как начинался дом Романовых. Во-вторых, преступление, царевничество — это тоже очень интересно. Ведь и декабристы замыслили убийство царя, а Павла убили в результате дворцового заговора. Пушкин почувствовал здесь что-то от алгоритма русской истории. Но самое поразительное, что он знал, что версия об убийстве не доказана. Но все-таки возникает такое ощущение, что ему как будто бы сказали: «Пиши это — и не ошибешься». И вот прошло почти сто лет, и в 1917 году произошло то, что произошло. Кстати, письмо Вяземскому, в котором Пушкин сообщает о том, что он закончил трагедию, датировано 7 ноября, правда, по старому стилю.

— Для кого задуманы и издаются ваши сборники?

— Для просвещенного читателя. Наши издания интересны читателям определенного типа, но не обязательно филологам. У пушкиноведения, как у всякой гуманитарной науки, как у театра, есть задача и сверхзадача. Есть определенные уровни. Существуют, например, филологические труды, которые нужны только специалистам, но без них не может быть других, интересных и доступных целому ряду людей, а без этих не возникнет чего-то такого, что уже нужно всем. Что касается Пушкина, то даже тот, кто его почти не читал, все равно знает, что это за явление.

Сейчас стало модным и вполне нормальным делить общество на «высокопоставленных» и на «быдло». Терпеть не могу такого отношения: вот мы творцы, а на остальное нам наплевать. Сейчас подобные умозаключения перешли в область политики. Нас пытаются разделить путем радио и телевидения. На две неравные категории. У меня вообще такое ощущение, что сейчас эпоха очень похожа на ту, петровскую, но только, я бы сказал, с превышением. И мне кажется, что если конца света не будет и если мы в обозримом будущем выберемся из той мясорубки, в которую попали, то, может быть, русская культура подарит миру какое-то явление, исторически симметричное феномену Пушкина. Сегодня же мы переживаем такие испытания, что если что-то и уцелеет, то это будет нечто такое могучее, что «не задушишь, не убьешь».

Взяла интервью
ЗОЯ СВЕТОВА

Москва